

ISSN 2078-8975

Выпуск / Issue
№ 2 (54) Т. 3 / 2013

ВЕСТНИК BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

История

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В АКВИТАНИИ
В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕСТГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА**

Д. С. Коньков

**TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS IN AQUITAINE DURING
THE FORMATION OF THE VISIGOTHIC KINGDOM**

D. S. Konkov

В статье исследуется проблема изменения социальных взаимосвязей и отношений в римской Южной Галлии в результате поселения в этом регионе вестготов в качестве федератов. В центре внимания отношения вестготов и местного галло-римского населения в контексте сопоставления планов и ориентиров каждой из сторон и их реализации. Также рассматривается влияние вестготов на трансформацию социальных связей внутри галло-римского населения.

The paper investigates the changing of the social interactions and relations in Roman Southern Gaul after the settlement of the Visigoths as federates in this region. The investigation of the relationship of the Visigoths and the Gallo-Roman population is focused on the context of comparing the plans and targets for each of the parties and their implementation. The article also examines the impact of the Visigoths on the transformation of social relations within the Gallo-Roman population.

Ключевые слова: социальные отношения, варвары, вестготы, варварское королевство, поздняя Римская империя, Аквитания.

Keywords: social relations, Barbarians, Visigoths, barbaric kingdom, the late Roman Empire, Aquitaine.

Период поздней античности и раннего средневековья для Западной Европы ознаменовался крупнейшим общественным и политическим преобразованием: падением Римской империи и созданием параллельно с этим процессом новых социально-политических объединений – варварских королевств. Однако ни в коем случае нельзя рассматривать эти исторические тренды в отрыве друг от друга. В то же время, как представляется, нельзя и переоценивать фактор преемственности римской или варварской традиции в ходе этих процессов. Объектом исторического познания в конечном счете выступают люди, их поступки, решения, образ мысли, и именно люди являлись участниками и действующими лицами, определявшими, отражавшими, диагностирующими распад старого и создание нового на рубеже эпох античности и средневековья. Широкий спектр подобных судьбоносных решений и кризисного поведения, связанного с преобразованием существовавших социальных связей, продемонстрировала Аквитания 418 – 470 гг.

Последствия присутствия вестготов в Аквитании проявили себя лишь со временем. Первоначально, по всей видимости, это было ординарным мероприятием, сопровождавшимся заключением стандартного *foedus*'а между империей и варварами на ее территории. Непосредственный текст этого *foedus*'а или хотя бы сколько-нибудь презентативные косвенные свидетельства о нем не сохранились, поэтому об условиях расселения остается догадываться. Э. А. Томпсон описывает их как типовую для подобных случаев систему *hospitalitas* [1, с. 48 – 49], однако П. Хизер правомерно замечает на это, что единственное прямое свидетельство источников об этих условиях – слова «филосторгия» о том, что готам пожаловали земли в Галлии для возделывания [2, с. 251; 3, с. 372], которые ничего не доказывают. Исследователь видит единственную возможность уточнить условия поселения го-

тов в Аквитании с помощью потенциальных археологических данных. Тем не менее П. Хизер не находит нужным спорить с выводами Э. А. Томпсона. Само отсутствие отдельных сообщений источников об условиях поселения вестготов отчасти подтверждает их заурядность.

Р. Матисен и Х. Сиван полагают, что в договоре 418 года выстраивалась иерархическая модель соподчинения от римского императора к готскому королю, знати и простолюдинам; однако тут же оговариваются, что имперское правительство стремилось сохранить контроль над Аквитанией с помощью своих эмиссаров [4, р. 11]. П. Хизер также сомневается в существовании в каком-либо виде самостоятельной административной власти вестготского предводителя в Аквитании, по крайней мере, в 418 году, а вероятнее – в течение всего правления Теодориха (418 – 450 гг.) [5, р. 183 – 185]. На тот момент практика договоров с варварскими объединениями на территории империи не предполагала и не могла предполагать предоставление им административной и тем более территориальной автономии. Аквитания оставалась римской провинцией и иным образом не воспринималась.

В свете вышесказанного следует заключить, что в 418 году вестготы в Аквитании представляли собой в первую очередь войско на службе императора; Теодорих, соответственно, расценивался как римлянами, так и вестготами как военачальник в армейской иерархии империи. В источниках отсутствуют данные о присвоении ему официального армейского статуса *magister militum*, следовательно, войско вестготов находилось в ранге вспомогательного, а власть Теодориха распространялась только на вестготов, не затрагивая римские структуры. В этот период провинция Аквитания Вторая оставалась неотъемлемой частью административной системы империи.

Э. А. Томпсон оценивает отношение Теодориха к римлянам как избирательную и осторожную враждебность и считает, что вестготы в этот период пользовались любой возможностью ослабления империи для организации набегов [1, с. 50]. Однако это не так. Смерть Гонория в 423 году означала регентство Галлы Пладиции, а реально – военачальника Кастина, затем с попустительством последнего, как указывает Проспер, узурпацию Иоанна [6]. Ни одно из этих событий, действительно ослаблявших империю, не вызвало враждебной реакции Теодориха, вопреки логике Э. А. Томпсона.

Ю. Б. Циркин не считает вестготов априори противниками империи, но предполагает, что они в этот период стремились к самостоятельности от имперского правительства, к созданию собственного королевства на отведенных для поселения территориях. Как полагает Ю. Б. Циркин, смерть Гонория в 423 году освободила вестготов от обязательств федератского договора 418 года, и Теодорих воспользовался этим, отказавшись его возобновлять [7, с. 154 – 155]. Однако и это не так. Теодорих заявил о себе только в 425 году наступлением на Арль. И даже оно было скорее демонстративным, чем реальным – Проспер и Исидор Севильский утверждают, что вестготы ушли сразу, как только появились слухи о подходе войск Аэция [6; 8]. К этому времени с момента смерти Гонория прошли годы, чрезвычайно насыщенные событиями для Западной империи. Вряд ли вести из Италии в Южную Галлию доходили за несколько лет, и Теодорих узнал о смерти Гонория только к 425 году. Следует предположить, что он был информирован о происходящем, но предпочитал не вмешиваться. В ситуации борьбы за престол империи и непредсказуемости ее исхода это было естественным образом действий только в том случае, если вестготы были ориентированы на сохранение отношений с имперским правительством и на перезаключение договора: в период 423 – 425 гг. не было ясно, с кем именно его перезаключать.

Именно в ключе демонстративного обращения на себя внимания ради выгодных условий нового *foedus*'а оценивает агрессивные акции вестготов в отношении аквитанских городов Х. Вольфрам [9, с. 249]. Этой же позиции придерживаются и Р. Матисен, и Х. Сиван [4, р. 16]. П. Хизер рассматривает ситуацию более комплексно, вводя в систему отношений вестготов и империи аквитанскую галло-римскую знать как самостоятельную переменную. Он считает, что близких контактов и взаимного сотрудничества между вестготами и аквитанцами в течение правления Теодориха не было. Имперское правительство целенаправленно позаботилось об этом, создав совет галльских провинций в Равенне ради упрочения влияния центра среди галло-римлян [5, р. 192]. Первоначально это возымело ожидаемый эффект.

Будучи субординатами административной иерархии, вестготы могли рассчитывать на улучшение условий своего расселения только через пересмотр условий договора. Инструмент для давления на имперские власти в этом смысле был известен и традиционен – демонстративные набеги и походы. Естественно, что в качестве цели для подобных походов

выбирались наиболее значимые местные центры, как Арль и Нарбонна, которые было важно не столько завоевать, сколько обозначить такое намерение и возможность. Возможно, в русле этой тенденции в 436 – 439 гг. развернулась полномасштабная кампания вестготов, начавшаяся с похода на Нарбонну. Причины очередной демонстрации сил Теодорихом с первого взгляда неявны, но в контексте имперских событий этого времени объяснимы. Начиная с 435 года Аэций, назначенный *magister militum praesentalis*, занялся урегулированием отношений с различными варварскими объединениями. Теперь он хотел ставить условия договоров – об этом говорит его целеустремленность. Осада Нарбонны вестготами была снята Аэцием и его подчиненным Литорием, но на этом противостояние не прекратилось. Более того, к нему были привлечены отряды гуннов, личных союзников Аэция. Идаций сообщает о восьми тысячах готов, убитых Аэцием – что хотя и представляется преувеличением, но показательно характеризует серьезность его намерений. В 439 году римляне и гунны уже подошли к Тулузе [6; 10].

И в этот момент источник рисует интересную картину. В соответствии с Житием св. Оренция Ошского Теодорих через христианских епископов пробовал начать переговоры и заключить мирный договор («*cum rex ab illis postularetur: ille Episcopos mitterent*») [11, р. 60]. Характерно, что отношение к Литорию со стороны Оренция резко отрицательное как к язычнику и предводителю язычников-гуннов; в сравнении с ним Теодорих, будучи христианином, изображен в положительных тонах [9, с. 250]. Подобное отношение может свидетельствовать о солидаризации между местным галло-римским населением и вестготами; очевидно, за двадцать лет установились достаточно крепкие контакты, чтобы Оренций идентифицировал себя не с представителями равеннского правительства, а с интересами местного вестготского короля. Из этого следует, что местничество в этот период уже становится доминирующим трендом в интересах аквитанской знати, и последняя, несмотря на усилия имперского правительства, была готова идти на сближение с вестготами. Если в 418 году, в период появления вестготов на аквитанской земле, контакты с местным населением отсутствовали или были напряженными, то к 439 году ситуация изменилась, по крайней мере, в том, что касалось Тулузы.

Стратегия демонстративных походов вестготов продолжала проявлять себя и в дальнейшем – в частности, показателен поход вождя вестготов Торисмунда (451 – 453) на Арль, в ходе которого последний даже не подразумевал военного столкновения, но удовольствовался почестями и уважительными речами местного префекта претория [12, с. 101; 13, р. 125]. С точки зрения Э. А. Томпсона, Торисмунд в своих действиях являлся выразителем традиционной ненависти вестготов к Риму [1, с. 52]. Однако это явно не так, поскольку источники прямо говорят о торжественной встрече, устроенной римлянами Торисмунду, и о его позитивной реакции на нее – следовательно, именно это было тем, чего он хотел и добивался.

Если Торисмунд использовал набеги как традиционный для варваров метод в попытках добиться при-

знания от римлян, то его преемник Теодорих II (453 – 466 гг.) склонялся к уподоблению собственного образа жизни римскому. Э. А. Томпсон видит в этом признаки романизации Теодориха II, возрождение тенденции формирования идентичности готских правителей через службу империи, подобно Алариху и Атаульффу [1, с. 52]. Особенно значимую роль в подтверждении подобной точки зрения играет хрестомабийное письмо Сидония Апполинария, в котором последний подробно описывает внешность, привычки и образ действий Теодориха II. В частности, автор указывает на гармоничное процветание греческих, галльских и италийских норм и порядков при дворе этого короля (*videas ibi elegantiam Graecam, abundantiam Gallicanam, celeritatem Italiam, publicam pompam privatum diligentiam regiam disciplinam*) [14, р. 4]. Однако А. Р. Корсунский отмечает архаический характер королевского двора вестготов, в значительной мере сохраняющего племенные обычаи [15, с. 50].

П. Диас, пытаясь ответить на вопрос, насколько в образе Теодориха II у Сидония отражены римские и варварские черты и в какой пропорции они соотносятся, приходит к заключению, что Сидоний транслирует стереотипный день и манеру поведения отчасти римских императоров, отчасти провинциальных имперских функционеров, то есть собственно германского элемента в описании Сидония не содержится. П. Диас предполагает возможность амбивалентности действий и привычек Теодориха II: для галло-римлян он был образцовым патрицием, для вестготов – вождем. Впрочем, исследователь здесь воздерживается от определенных суждений [16, р. 332]. П. Хизер при своем ироничном отношении к Сидонию не склонен воспринимать этот пассаж относительно романизации вестготского предводителя буквально. Он прямо говорит, что судить о реальном положении дел при вестготском дворе по тексту данного письма нельзя – оно лишь является неким сигналом для галло-римской знати, что Теодорих II – достойный партнер для отношений [5, р. 193; 17, с. 588]. Тем не менее подобный сигнал сам по себе говорит о сознательной стратегии Теодориха II по сотрудничеству с империей.

Следующим шагом в осуществлении этой стратегии было провозглашение императором Авита. В том, что для вестготов это событие стало одним из ключевых в трансформации отношений с империей, уверены большинство исследователей; П. Хизер, Р. Матисен и Х. Сиван придают ему особенное значение. С точки зрения П. Хизера, это была решительная, но неудачная попытка инкорпорирования готского элемента в имперские структуры, реанимирования распадающейся системы через слияние варварских и римских составляющих на основании сохранения имперских институтов [5, р. 193; 17, с. 588]. Р. Матисен и Х. Сиван уточняют, что инициатором этой попытки была галло-римская аристократия, рассчитывающая наладить прочные связи с готами и получить возможность распоряжаться военными силами последних за неимением своих собственных [4, р. 18]. Другие исследователи склоняются к тому, чтобы считать главной движущей силой в данном случае Теодориха II [9, с. 254; 18, с. 50], буквально воспринимая слова Сидония. Последний приводит воззвание Теодориха II в

адрес Авита подобрать упавшую имперскую корону во времена безвластия в Риме (после убийства Петрония Максима) ради сохранения договора с вестготами [19, р. 162].

Однако другие источники не подтверждают какую-либо деятельность предводителя вестготов в этом отношении, что заставляет считать высказывание Сидония риторическим приемом. Идаций отмечает особое уважение, которым пользовался Авит в Тулузе, но здесь же говорит о нем как об арльском августе («*Avitus Gallus civis ab exercitu Gallicano et ab honoratis, primum Tolosae, dehinc apud Arelatum Augustus appellatus*») [10]. Сидоний подтверждает, что вопрос об избрании императором Авита решался собранием галльской аристократии [19, р. 162], которое, очевидно, состоялось в Арле. Теодорих II вошел в Арль как друг и союзник уже после состоявшегося избрания, о чем свидетельствует Марий Аваншский [20]. Иордан вообще не отмечает участие Теодориха II в возвышении Авита. Таким образом, нельзя считать Авита марионеточным императором вестготов; скорее, этот эпизод следует расценивать как попытку реализации своих интересов галло-римской знатью в условиях вакуума власти в империи и устойчивых проримских настроений вестготских правителей.

П. Хизер подчеркивает, что своей поддержкой Авита вестготы вступили в фракционную борьбу в распадающейся империи и вынужденно должны были определяться в своих интересах и пристрастиях [17, с. 594]. Переворот в Италии и убийство Авита только упрочили тренд сближения вестготов и галло-римской знати, по мнению исследователя [5, р. 194]. Это мнение отчасти подтверждается последующим развитием событий.

Основным источником, дающим показательную картину происходящего в это время, являются письма галло-римского аристократа Сидония Апполинария. В письме 468 года он описывает суд над префектом претория Галлии Арвандом [14, р. 16 – 20]. Письмо имеет более конкретный характер, нежели обычные для Сидония причудливые пассажи, и излагает всю историю падения Арванда. Последний, судя по имени, галл относительно простого происхождения, был ставленником равеннского военачальника-варвара Рикимера, возможно – его соратником. Возглавив на своем посту одну из крупнейших и наиболее богатых провинций, он естественным образом оказался принят в круг местной галло-римской знати, отчего Сидоний причисляет Арванда к своим друзьям. Однако если первое свое пребывание в должности префекта Арванд завершил успешно, то став префектом во второй раз, быстро растерял былую популярность. По словам Сидония, этому способствовали огромные долги, капризы, издевательства над просителями и репрессии против своих возможных конкурентов. Однако поводом для ареста и суда оказалось не это, а письмо Арванда королю вестготов Эвриху с предложением избегать мира с «греческим императором», разбить бретонов, все еще поддерживавших имперские притязания, и разделить Южную Галлию с бургундами. Как говорит Сидоний, для темпераментного короля варва-

ров этого было достаточно, чтобы воспламениться жадной войны.

Не вполне ясно, кто имеется в данном эпизоде в виду под греческим императором – собственно император Константинополя или же Анфемий, действительно грек и ставленник восточного двора, в это время прибывший в Италию. Х. Вольфрам полагает, что Арванд не признал последнего и поэтому пошел на союз с готами [9, с. 261, 334]. Х. К. Тейтлер в своих пространственных рассуждениях относительно мотивов Арванда привлекает свидетельства Кассиодора и Павла Диакона, намекавших на узурпаторские намерения префекта [21, р. 312]. Возможно, оказавшись в столь патовой личной ситуации, как это изображает Сидоний, Арванд утратил чувство реальности и действительно мечтал об имперском троне. Однако, судя по тому же Сидонию, Арванд, в отличие от недавнего прецедента галльского узурпатора Авита, также опиравшегося на вестготов, не пользовался популярностью среди галло-римской знати, не был ее представителем и не стремился защищать чьи-либо интересы, кроме своих собственных. Речь для него шла скорее о том, чтобы защитить свое положение, хрупкое без поддержки Рикимера и в условиях противостояния с местной знатью, уже выдвигавшей на пост префекта претория своего представителя Тонантия Ферреола. Поэтому и новый император Анфемий, независимая от Рикимера фигура, был принят Арвандом в штывки как очередная угроза. В подобных условиях естественно было обратиться к относительно независимой силе в Южной Галлии – вестготам.

Кроме того, говоря о предполагаемых мотивах Арванда, Д. Клауде и П. Хизер указывают на неверие в политическое будущее Западной империи как ведущий из них. Более того, в этом неверии Арванд мог выступать не только от собственного имени, но и от имени галльских землевладельцев, разочарованных в способности империи поддерживать порядок на территории провинции и ищущих иных протекторов [18, с. 77; 17, с. 653 – 654].

Таким образом, очевиден намечающийся раскол в видении своего будущего не только среди вестготов, но и среди галло-римлян, где Арванд представлял одну точку зрения, а Сидоний и Ферреол – другую. Как свидетельствует Иордан, Эврих в полной мере последовал совету Арванда: отправился в поход на бретонов, сокрушительно разгромил их и попытался установить свой контроль над Галлией [22, с. 107]. Однако римляне Северной Галлии во главе с комитом Анжера Павлом при поддержке франков положили этим претензиям конец [23, с. 44]. Данная ситуация интересна тем, что Эврих формально не разрывал соглашения с Римом: он действовал по просьбе римского чиновника, префекта претория. Другое дело, что хаотичная борьба за римский престол отражалась на обстановке в Галлии. Павел, Сиагриий и Хильдерик на севере не признали власти Рикимера и де факто существовали самостоятельно. Арванд как ставленник Рикимера, их прямой соперник, и мог опираться только на вестготское войско. Власть Анфемиа не признал никто из них, поскольку не получил бы от подобного признания никаких выгод.

Эврих действовал при поддержке и сотрудничестве определенной части галло-римлян, которые, подобно Арванду и Сиагрию, не желали связывать свое будущее с уже эфемерной империей. Даже сам Сидоний, противник союза с вестготами, в то же время в письме 470 года выражает большие сомнения в способности Анфемиа вмешаться в ситуацию [14, р. 35].

В том же письме упоминается в исключительно негативном контексте викарий (заместитель префекта претория) Аквитании Серонат, обвиняемый Сидонием среди прочего в тесном сотрудничестве с тулузскими готами – вплоть до того, что эдикты готов тот ставит выше, нежели кодекс Феодосия. У. Гоффарт в своем анализе данного фрагмента писем Сидония указывает на его риторический характер, не позволяющий прочитывать его буквально как преобладание готского законодательства над римским в это время. Неоспорим, по мнению У. Гоффарта, лишь тот факт, что Сидоний был возмущен поведением Сероната, его политикой по взиманию госпитских податей в пользу готов у римского населения [24, р. 246 – 247].

Таким образом, очевидно, что аквитанская знать и чиновничество принципиально раскололись по факту отношения к Эвриху и Анфемию, силам и перспективам, которые стояли за этими фигурами. Для Эвриха не было нужды вступать в открытый военный конфликт в этот период, поскольку ему не оказывалось сопротивления. Напротив, высшие должностные лица провинции оказывали ему поддержку и давали санкцию на расширение покровительства на основе традиционного института военного постоя *hospitalitas*. Х. Вольфрам полагает, что Серонат лишь восстанавливал налогообложение, имевшее место ранее, но забытое в период войны, что само по себе вызвало возмущение галло-римских землевладельцев, таких, как Сидоний. Однако Серонат добавил к уже имевшимся налогам и подати в пользу готов, что окончательно сделало его «Катилиной наших дней», по выражению Сидония [25, р. 181 – 182]. Последнее, очевидно, было предпринято в рамках курса на расширение готского покровительства. Р. Матисен, напротив, отстаивает мнение о насильственной аннексии готами новых территорий, в результате которой римские чиновники становились одновременно и чиновниками готскими за отсутствием у готов институтов гражданского администрирования [4, р. 30 – 31]. Однако вне зависимости от взглядов отдельных исследователей на ситуацию можно однозначно констатировать, что в 460-х годах перед населением Галлии стоял выбор и каждый из жителей Аквитании должен был определиться в нем. Поскольку в зависимости от личных предпочтений, статуса, происхождения, биографии и карьеры этот выбор мог стать диаметрально противоположным даже для друзей, людей одного круга, как это показал пример Арванда и Сидония, более того, для отцов и детей, по мнению П. Хизера [17, с. 655], то неудивительна ситуация гражданского раскола и противостояния, назревавшая в Аквитании, как можно предположить, даже без сознательного вмешательства Эвриха, без целенаправленных шагов с его стороны.

Литература

1. Томпсон, Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи / Э. А. Томпсон. – М.: Ювента, 2003. – 288 с.
2. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» / Филосторгий // Церковные историки IV – V веков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 624 с.
3. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 800 с.
4. Mathisen, R. Forging a New Identity: The Kingdom of Toulouse and the Frontiers of Visigothic Aquitania (418 – 507) / R. Mathisen, H. Sivan // The Visigoths: Studies in Culture and Society. – Leiden: Koninklijke Brill, 1999.
5. Heather, P. The Goths / P. Heather. – Wiley-Blackwell, 1998.
6. Хроника Проспера Аквитанского. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Prosper_Aqvit/-text1_phtml?id=6887 (дата обращения: 01.12.2012).
7. Циркин, Ю. Б. Испания от античности к средневековью / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 2010. – 456 с.
8. Исидор Севильский. История готов. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_S/frametext.-htm (дата обращения: 10.12.2012).
9. Вольфрам, Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – М.: Ювента, 2003. – 656 с.
10. Huidatii Episcopi Chronicon. – Режим доступа: <http://www.thelatinlibrary.com/huidatiichronicon.html> (дата обращения: 5.12.2012).
11. De Sancto Orientio // Acta Sanctorum Maii. – T. I. – Bruxelles: Culture et Civilisation, 1968.
12. Козлов, А. С. Тенденциозность «Галльской хроники 511 года» / А. С. Козлов // Античная древность и средние века. – 2006. – Вып. 37.
13. The Letters of Sidonius. – Volume 2. – Oxford: Clarendon Press, 1915.
14. The Letters of Sidonius. – Volume 1. – Oxford: Clarendon Press, 1915.
15. Корсунский, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
16. Diaz, P. C. Visigothic political structures / P. C. Diaz // The Visigoths from the migration period to the seventh century. – Boydell & Brewer Ltd, 2003.
17. Клауде, Д. История вестготов / Д. Клауде. – СПб.: Евразия, 2002. – 288 с.
18. Sidonius. Poems and letters. – V. I. – London: William Heinemann Ltd, 1963.
19. Марий Аваншский. Хроника / Аваншский Марий. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/-Marius_Aventic/frametext.htm (дата обращения: 15.12.2012).
20. Teitler, H. C. Un-Roman activities in late antique Gaul: the cases of Arvandus and Seronatus / H. C. Teitler // Fifth Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge University Press. – 1992.
21. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Иордан. – СПб.: Алетейя, 1997. – 512 с.
22. Турский, Г. История франков / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
23. Goffart, W. Barbarians and Romans, A. D. 418 – 584: The Techniques of Accommodation / W. Goffart. – Princeton University Press, 1980.
24. Wolfram, H. Neglected Evidence on the accommodation of barbarians in Gaul / H. Wolfram // Kingdoms of the Empire. – Leiden: Koninklijke Brill, 1997.

Информация об авторе:

Коньков Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, dkonkov@mail.ru.

Dmitriy S. Konkov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of the Ancient and Medieval History and the Methodology of History, Tomsk State University.

УДК 94(47+57):314.742

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ГЕРМАНИИ XX ВЕКА:
КОНТИНУИТЕТ, РАЗРЫВЫ, РАЗВИТИЕ**

Л. Н. Корнева

**SOCIAL POLICY AND WELFARE STATE IN GERMANY IN THE 20TH CENTURY:
CONTINUITY, RUPTURES, DEVELOPMENT**

L. N. Korneva

В статье исследуются направления социальной политики, организации социального дела в Германии XX века. Автор прослеживает обусловленность социальной политики разными политическими режимами – де-